

Наукове життя

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСФОРМИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВ

(«круглый стол» в рамках II Конгресса Социологической ассоциации Украины)

«Круглый стол» «Теоретические проблемы исследования трансформирующихся обществ» состоялся 18 октября 2013 года в рамках II Конгресса Социологической ассоциации Украины. «Круглый стол» был проведен по инициативе выдающегося российского социолога доктора философских наук, профессора Ядова Владимира Александровича. Организаторами «круглого стола» выступили Социологическая ассоциация Украины и социологический факультет Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. Участниками «круглого стола» стали ведущие социологи Украины, России, а также других стран дальнего и ближнего зарубежья. В ходе работы «круглого стола» обсуждались такие проблемы постсоветских обществ, как всеохватывающая роль государства, коррупция чиновников, незрелость гражданского общества, различия стилей жизненных практик как продукта национального менталитета и другие.

Round table «Theoretical problems of study of transforming societies» was conducted on October, 18, 2013 within the framework of II Congress of the Sociological Association of Ukraine. The roundtable was held on the initiative of prominent Russian sociologist, Doctor of Philosophy, Professor Vladimir Yadov. The round table was organized by the efforts of the Sociological Association of Ukraine and the Department of Sociology of V.N. Karazin Kharkiv National University. Members of the round table were represented by leading sociologists of Ukraine, Russia and other world countries. Such problems of development of post-Soviet societies as the encompassing role of the state, officials' corruption, immaturity of civil society, differences in style of life practices as a product of the national mentality and others were discussed during the round table discussion.

«Круглий стіл» «Теоретичні проблеми суспільств, що трансформуються» відбувся 18 жовтня 2013 року в межах II Конгресу Соціологічної асоціації України. «Круглий стіл» був проведений за ініціативи видатного російського соціолога доктора філософських наук, професора Ядова Володимира Олександровича. Організаторами «круглого столу» виступили Соціологічна асоціація України та соціологічний факультет Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Учасниками «круглого столу» були провідні соціологи України, Росії та інших країн далекого та близького зарубіжжя. У ході роботи «круглого столу» обговорювались такі проблеми пострадянських суспільств, як всеохоплююча роль держави, корупція чиновників, незрілість інститутів громадянського суспільства, відмінності стилів життєвих практик як продукту національного менталітету та інші.

Дискутанты «круглого стола»:

Ядов Владимир Александрович – доктор философских наук, профессор, декан факультета социологии Государственного академического университета гуманитарных наук (г. Москва).

Хмелько Валерий Евгеньевич – доктор философских наук, профессор, Президент Киевского международного института социологии (г. Киев).

Модератор: Сокурская Людмила Георгиевна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина.

Участники дискуссии:

Вера Арбенина (Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина), **Виль Ба-**

киров (Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина), **Ольга Балакирева** (Институт экономики и прогнозирования НАН Украины (г. Киев)), **Юрий Вишневский** (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)), **Александр Голиков** (Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина), **Татьяна Каменская** (Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова), **Станислав Катаев** (Запорожский национальный университет), **Илья Кононов** (Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко), **Ольга Куценко** (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко), **Виталий Лукашук** (Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина), **Алексей Мусиезов** (Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина), **Борис Нагорный** (Востоchnоукраинский национальный университет имени Владимира Даля (г. Луганск)), **Валентина Подшивалкина** (Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова), **Александр Поступной** (Национальный технический университет «ХПИ» (г. Харьков)), **Давид Ротман** (Белорусский государственный университет (г. Минск)), **Галина Силласте** (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)), **Пал Тамаш** (Университет Корвинус, (Будапешт, Венгрия)), **Лариса Хижняк** (Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина), **Андрей Яковенко** (Востоchnоукраинский национальный университет имени Владимира Даля (г. Луганск)) и др.

Открыл дискуссию В. С. Бакиров.

Виль Бакиров: Шановні колеги, дорогі друзя, dear friends! Иницировал проведение нашего «круглого стола» Владимир Александрович Ядов, предложив профессору Хмелько Валерию Евгеньевичу стать его оппонентом. Актуальность вопросов, предложенных Владимиром Александровичем для обсуждения, не вызывает сомнений. Они активно обсуждаются сегодня не только в академическом, но и в журналистском и социальном дискурсах. Отвечая на эти вопросы, мы с вами совместными усилиями попробуем выяснить, что общего и чем отличаются трансформационные процессы, характерные для постсоветских обществ, в частности для России, Украины, Белоруссии, Венгрии и других стран. Поскольку в этом зале собрались известные социологи, представляющие страны, отличающиеся различными моделями посткоммунистических трансформаций, у нас есть уникальная возможность сравнить эти модели, посмотреть на них как изнутри, так и со стороны.

Я передаю слово модератору нашего «круглого стола» профессору Сокурянской Людмиле Георгиевне.

Людмила Сокурянская: Спасибо, Виль Савбанович. Думаю, что будет правильно, если нашу дискуссию начнет ее инициатор – Владимир Александрович Ядов. Пожалуйста, Владимир Александрович, Вам слово.

Владимир Ядов: В своем вчерашнем докладе на пленарном заседании вашего Конгресса я обозначил в качестве исследовательской проблемы разработку некоторой концепции трансформаций постсоветских обществ в современном глобальном мире. Я подумал, почему бы не попытаться (вслед за Штомпкой, который предложил общую теорию культурной травмы переходных обществ), концептуализировать особенности преодоления травмы советского наследия в институциональном и жизненном устройстве России и Украины, а также других бывших республик СССР.

Вспоминаю, как Валерий Хмелько на симпозиуме «Куда идет Россия?» говорил о несхожестве русской и украинской исторической традиций устройства верховной власти. В России – самодержавие, в Украине – выборность гетьмана. Достаточно продолжительный период советской власти в Украине преодолел эту давнюю традицию. Об этом свидетельствуют результаты исследования 2010 г. схожести культур по критерию модернизированности. Все посткоммунистические страны, включая балтийские Литву, Латвию и Эстонию, оказались в одном кластере!

Вместе с тем, между странами постсоветского ареала существуют несомненные различия в особенностях культуры, менталитета и жизненных практик. Особого внимания заслуживает проблема менталитета, поскольку национальный менталитет гораздо более устойчив по сравнению с устойчивостью социальных институтов. Вчера я акцентировал на этом внимание. В своем восприятии жизненного мира люди руководствуются социальными представлениями. При этом наши социальные представления так или иначе связаны с особенностями менталитета.

В своем выступлении я приводил данные К. Касьяновой, согласно которым россияне «зашкаливают» по тесту «циклоидность». О. Хархордин обращает внимание на традиционную экстернальность русского человека – продукт российского православия. В отличие от протестантов, русские в своих ошибках и неудачах привыкли винить обстоятельства и кого-то «другого», но не себя.

Не буду повторяться и давать данные о том, какое место в мире занимают Россия, Украина и другие постсоветские страны по

таким критериям, как свобода экономики, уровень демократизма (кстати по этому критерию Украина выше России); уровень качества жизни. Что касается индекса «институциональные основы демократии», то Россия здесь на 93-м месте, уступая по большинству параметров западным странам, а из постсоветских стран выше России в рейтинге Литва, Украина, Латвия, Эстония, Армения.

Приведенные мною сопоставления весьма относительны, но все же не вызывает сомнения сам факт воздействия культуры, закрепленной в менталитете народов, на динамику социально-экономических трансформаций.

Таким образом, то общее, как я уже подчеркивал вчера, что свойственно всем постсоветским странам, можно суммировать в четырех пунктах:

1. Всеохватывающая роль государства и, как следствие, – общеизвестная коррупция чиновничества.

2. Незрелость институтов гражданского общества.

3. Следствие названного выше – доминанта экстернального локуса контроля как типичного личностного свойства подавляющего большинства населения.

4. Различия стилей жизненных практик, которые сказываются на преодолении «культурной травмы» перехода к рыночной экономике, являются продуктом особенностей национального менталитета.

Немаловажное значение имеет социально-экономическая, этническая и конфессиональная неоднородность регионов постсоветских государств, России и Украины, в частности.

Вот, собственно и все, что я хотел сказать в развитие своего вчерашнего выступления.

Людмила Сокурская: Спасибо, Владимир Александрович. Итак, что же общего и в чем отличия посткоммунистического развития бывших республик Советского Союза? Я приглашаю к дискуссии Валерия Евгеньевича Хмелько – доктора философских наук, профессора кафедры социологии Национального университета «Киево-Могилянская академия», президента Киевского международного института социологии. Пожалуйста, Валерий Евгеньевич, Вам слово.

Валерий Хмелько: Спасибо, Людмила Георгиевна. Откликаясь на приглашение Владимира Александровича Ядова выступить оппонентом в обсуждении его попытки положить начало концептуализации особенностей преодоления травмы советского наследия в институциональном и жизнен-

ном устройстве постсоветских обществ, предлагаю для обсуждения несколько соображений относительно первого из итоговых выводов Владимира Александровича о том, что представляет собой то общее, что свойственно всем постсоветским странам. Этот вывод – о всеохватывающей роли государства и, как следствии этого, общеизвестной коррупции чиновничества – побуждает вспомнить о том, что во времена гораздо более полно всеохватывающей роли государства, времена СССР, коррупция не достигала такой распространенности, как ныне в России и Украине. Ведь сейчас наши страны по индексу восприятия коррупции относятся к четверти наиболее коррумпированных государств (133-е и 144-е места, соответственно, среди 176 стран). При этом страны, где роль государства и сейчас является гораздо более полно всеохватывающей, чем у нас, такие, как Китай и, особенно, Куба, заметно меньше охвачены коррупцией (80-е и 58-е места, соответственно, в том же рейтинге). Поэтому я не вижу достаточных оснований полагать, что высокий уровень коррупции – в тех постсоветских обществах, где он есть, – является следствием всеохватывающей роли государства. Проведенный анализ привел меня к выводу, что эта часть социальной травмы наших обществ, распространенная коррупция, в основном является следствием особенностей того «остатка» институциональной макроструктуры советского общества, который мы унаследовали в результате краха прежнего режима.

Чтобы рассмотреть это, предлагаю принять во внимание четыре особенности институциональной макроструктуры бывшего советского общества: (1) доминирование политической подсистемы над всеми другими социальными институтами (включая экономику); (2) функционирование в политической подсистеме четырех территориально параллельных иерархий номенклатуры – компартийной, государственной, профсоюзной и комсомольской; (3) доминирование в политической подсистеме (включая все ветви государственной власти) руководящих органов компартии; (4) доминирование в подсистеме государственной власти органов исполнительной власти (через зависимость условий жизни функционеров законодательной и судебной власти от соответствующих распоряжений функционеров исполнительной власти).

При этом в зависимости от решений компартийных органов находились кадровые перемещения функционеров тех же и более низких уровней всех иерархий номенкла-

туры. Благодаря этому кадры для каждой из иерархий, включая компартийную, подбирались вышестоящими компартийными органами не только в ней самой, но и на соответствующих уровнях других трех иерархий. Поэтому конкурентная борьба функционеров за продвижение вверх по иерархическим уровням шла не только внутри каждой иерархии, но и между ними. В условиях тоталитарной системы это обеспечивало некоторый взаимоконтроль между представителями различных иерархий управления за соблюдением их конкурентами писаных и неписаных норм поведения и материального потребления.

При крушении тоталитарного режима вместе с ликвидацией командного положения компартийных органов свои прежние прерогативы в управлении потеряли также руководящие органы и комсомольской иерархии, и профсоюзной. В результате в политической подсистеме постсоветских обществ осталась только одна иерархия управления – государственная, в которой преобладание односторонней зависимости функционеров законодательных и судебных органов от функционеров органов исполнительных в большинстве постсоветских стран (кроме прибалтийских) явно не устранено. В этих условиях руководящее чиновничество, которое еще в тоталитарной системе натренировалось пользоваться зависимостью от него функционеров законодательных и судебных органов, приобрело положение, неподконтрольное практически никому вне системы исполнительной власти, высшим органом которой в условиях президентско-парламентской формы правления является администрация, возглавляемая Президентом страны (об этом я писал в своей статье «Макросоциальные изменения в украинском обществе за годы независимости», опубликованной в 2003 г. в журнале «Социология: теория, методы, маркетинг», №1). Такая моноцентричная система иерархии политической власти, вместе с формирующимися с ней отношениями частной собственности и рыночного обмена, оказываются в этих условиях явно благоприятной для распространения коррупции институциональной макроструктурой.

Людмила Сокурная: Я вижу, что слово просит Пал Тамаш – практически постоянный участник наших конференций, конгрессов, «круглых столов», блестящий аналитик, прекрасно знающий специфику трансформации посткоммунистических обществ Восточной Европы, в том числе российского и украинского. Пожалуйста,

господин Тамаш, Вам слово.

Пал Тамаш: Чтобы продолжить начавшуюся дискуссию, напомним, что для начала 1990-х годов было характерно преобладание оптимистической и наивной риторики о конвергенции двух половин – «старокапиталистической» и «ново-капиталистической» частей Европы. Общая цель «перехода к рыночной экономике» подразумевала быструю конвергенцию институционального и системного образца, которая считалась «нормальной» и необходимой для экономического процветания. Двадцать лет спустя можно услышать более трезвые размышления. Два открытия изменили сложившееся представление: проблемы денежно-кредитной унификации, а также структурных финансовых кризисов на Западе и постсоциалистическая депрессия и «неожиданная» деиндустриализация на Востоке. Макроэкономическая конвергенция в Европейском Союзе и институциональная конвергенция ранее соперничающих систем, все виды расширения на восток теперь проявляются труднее, чем в начале ожиданий. Должны ли повороты истории или само понятие конвергенции быть признаны виновными?

Важность языка и дискурса в процессах «перехода» в Центральной и Восточной Европе и в других местах достаточно широко признается в социальных исследованиях. Но социальные исследования до сих пор демонстрируют лишь ограниченное понимание того, что значит дискурс в процессах «перехода». Отчасти это теоретическая проблема: те теории дискурса, к которым чаще всего обращаются, являются слаборазвитыми и не представляют собой достаточную основу для обеспечения полного и детального расчета того, как дискурс взаимодействует с другими недискурсивными аспектами процессов «перехода».

Дебаты о постсоциалистической трансформации показывают неявную связь между понятием рыночной экономики и темой конвергенции. Мы видим здесь основной элемент неоклассической парадигмы, который по-прежнему характеризуется, несмотря на недавние квалификации и усовершенствования, анализом с точки зрения сбалансированности и оптимальности, но в то же время слабой заботой об исторических институциональных формах.

В чем же сходство и в чем различия трансформирующихся обществ?

Назову сначала факторы сходства. Общие постсоциалистические черты – это прежде всего системный родственный путь-зависимость. Это институциональный миметизм по отно-

шению к Западу, желание вступить в Европейский союз. Это влияние международных организаций (МВФ) и их условий. Это, наконец, тенденции глобализации.

Говоря о различиях, начну с разнообразия в начальных условиях, вытекающих из прошлой эволюции социалистических экономик. Следующее различие обусловлено уникальными политическими, социальными и экономическими условиями и событиями: индивидуальный путь-зависимость каждой страны посткоммунистического пространства.

Далее. Разнообразии институциональных внешних воздействий, например, англо-саксонское против Западной Европы, немецкое против британского либо французского ...

Наконец, специфический институциональный бриколаж, спонтанная адаптация и трансформация скопированных институций в соответствии с национальными социетальными контекстами.

Возникающие разновидности капитализма в постсоветском мире можно интерпретировать в различных категориях. Применение таксономии Hall-Soskice довольно широко распространено (Bohle-Greskovits и т.д.). Другие пытаются спекулировать на разнице между Rheinland-type (немецким) и атлантическим капитализмом.

Теоретики зависимости утверждают, что экономики стран третьего мира и постсоциалистических обществ Восточной Европы были сформированы в соответствии с условиями, установленными развитыми странами и, следовательно, их рост и развитие было отсталым и зависимым. Теотонио Дос Сантос определяет зависимость как ситуацию, в которой экономика отдельных стран обусловлена развитием и экспансией другой экономики. Отношение взаимозависимости двух или более стран, а также между ними и мировой торговлей принимает форму зависимости, когда одни страны (доминирующие) могут расширяться и быть самоокупаемыми, а другие страны (зависимые от них) могут сделать это только как отражение этой экспансии, которая может иметь или положительное, или отрицательное влияние на их развитие.

Анализируя восточноевропейскую ситуацию, мы используем рамки, разработанные Роуторн и Уэллс, с точки зрения которых деиндустриализация (как относительное снижение занятости в обрабатывающей промышленности) может происходить, по крайней мере, в трех направлениях. Существует «положительная деиндустриализация», которая была отмечена аналитиками

ранее (такими, как Кларк) и которая представляет значительную часть обычного экономического размышления о деиндустриализации.

«Отрицательная деиндустриализация», в соответствии с Роуторн и Уэллс, является результатом патологического феномена, а именно структурного неравновесия в экономике, которое предотвращает нацию от достижения своего потенциала роста или полной занятости своих ресурсов. Она проявляется в низкой продуктивности в производственном секторе и сопровождается замедлением промышленного производства и производительности труда.

Наконец, смещая акцент с внутренней на международную экономику, Роуторн и Уэллс спорят о существовании «связанной с торговлей деиндустриализации». Считается, что торговля влияет на занятость в производстве через макроэкономические каналы и через их влияние на специализацию. В отличие от многих обсуждений в NIDL и GOP о влиянии международной торговли на занятость в сфере производства, Роуторн и Уэллс подчеркивают, что в зрелой экономике деиндустриализация может быть связана или с сильной, или со слабой динамикой торговли.

Говоря о разнообразии деиндустриализации, подчеркну разницу между ее ранней и поздней фазой в постсоветском мире. Сегодня возникает новая зависимость, в которой институциональные устройства способствуют различным комбинациям od FDI и деиндустриализации.

Людмила Сокурянская: Спасибо, господин Тамаш. Ваше выступление повернуло нашу дискуссию в теоретическую плоскость, точнее, акцентировало наше внимание собственно на теме сегодняшнего «круглого стола» – на теоретических проблемах исследования посткоммунистических обществ. Кто хотел бы продолжить? Пожалуйста, Валентина Ивановна.

Валентина Подшивалкина: Уважаемые коллеги, на мой взгляд, ход дискуссии позволяет переформулировать обсуждаемую проблему. Мне представляется, что мы обсуждаем вопрос, что больше может повлиять на выбор Украиной одного из союзов (Таможенного или Европейского): ее тысячелетняя история или 70 лет (45 лет для некоторых украинских регионов) совместного советского существования?

По сути дела, эта дискуссия с особой остротой показала актуальность проблемы создания отечественной исторической социологии, как предлагает профессор О. Д. Куценко. Примером может служить

работа, выполненная под ее руководством и посвященная феномену коллаборационизма времен Второй мировой войны.

Классическая ориентация социологии на исследование современности без оглядки на то, что она (эта современность), возможно, есть следствие не только усилий нынешнего поколения, но следствие удачных или неудачных социальных проектов и управленческих решений предшествующих поколений, делает, на мой взгляд, наши объяснения современной реальности и прогнозы дальнейшего развития событий мало продуктивными и мало интересными для общества.

Попробую объяснить свой тезис. Возьмем пример Литвы. Это небольшая по украинским и тем более российским меркам страна, которая станет ареной украинского выбора. События перед Телецентром в столице этой страны стали предвестниками распада СССР. Что больше повлияло на европейский выбор Литвы - опыт более чем пятисотлетней истории собственной государственности в границах значительно больших, нежели ее современные границы (включая территории нынешней Белоруссии, а также частично Польши, Украины, Эстонии и даже Молдовы), столетний опыт вхождения в Российскую империю, двадцатилетний опыт независимости между двумя мировыми войнами XX века или ее сорокалетняя история в СССР? Народный эпос, научные и художественные произведения этой страны передают из поколения в поколение осмысление судьбоносных для нее выборов на всем протяжении многовековой истории. Вряд ли в обеспечении трансляции исторической памяти можно преуменьшить роль ее столичного университета, созданного почти на двести лет раньше Московского.

Теперь о нашем общем советском прошлом. У меня складывается впечатление, что мы склонны преувеличивать тождественность советского опыта бывших республик. Например, можно ли дать объективную оценку нынешних социальных процессов в Белоруссии без учета особенностей ее развития в 60-80 годах XX столетия, особенно времен К. Мазурова и П. Машерова? На мой взгляд, социологически не осмыслены достижения этой страны во второй половине XX века. Многие из прибалтийцев, пребывая в Белоруссии в этот период, не могли не заметить более высокий уровень жизни в этой стране по сравнению с Прибалтикой: по качеству дорог, социальной инфраструктуре, местной продукции, по снабжению товарами и прочее.

Или взять две прибалтийские республики – Литву и Латвию. Две разные стратегии в отношении централизованных инвестиций. Политику открытых дверей проводила Латвия. Вводились в строй новые предприятия, на которых не хватало местных рабочих рук. Результат – мощная трудовая миграция из России, Украины и Белоруссии и резкое падение доли коренного населения в демографической структуре общества. Правительство Литвы, напротив, предпринимало усилия по снижению притока мигрантов, в том числе за счет отказа от развития производств по планам центральных советских властей. Итог – практически гомогенный национальный состав нынешней Литвы.

Приведу пример Молдовы, в частности времен И. Бодюла. Достаточно высокий уровень жизни в этой стране поддерживался, с одной стороны, искусственно за счет дополнительных централизованных вложений для решения геополитической задачи создания «социалистической витрины» перед европейцами (что было характерно для всех приграничных республик), а также для пресечения распространения среди населения идей объединения с социалистической Румынией. А с другой стороны, вряд ли нужно недооценивать усилия тогдашних местных властей по поддержанию традиционных и созданию новейших производств, развитию культуры.

Подводя итоги, хочу заметить, что два уважаемых оппонента в дискуссии выбрали две разные стратегии анализа нашего советского и постсоветского прошлого. Профессор В. А. Ядов акцент делает на том, что объединяет и является общим для всех постсоветских стран, а его оппонент – профессор В. Е. Хмелько упорно напоминает о существовании различий. Думаю, что оба подхода имеют право на существование. Главное – избежать абсолютизации каждого из них.

Людмила Сокурская: Спасибо большое, Валентина Ивановна. Станислав Львович, Вы хотите добавить? Пожалуйста.

Станислав Катаев: Хочу обратить внимание участников нашего «круглого стола» на такую общую черту постсоветских государств, как наличие теневой экономики, теневого права, теневой политики.

Не является ли феномен теневых социально-экономических отношений своеобразным проявлением параллельного общества, которое существовало в советские времена?

Такие теневые институты, как «смотрящие», т.е. своеобразные ставленники мафиозных структур, играющие роль координа-

торов теневой политики и экономики в регионах, похожи на партийные структуры в советское время, которые все контролировали, используя непубличные рычаги влияния.

Владимир Ядов: Абсолютно согласен с Вами. Действительно, наличие теневых структур в политике и экономике является общей, при этом типичной чертой постсоветских государств, что существенно затрудняет их нормальное, демократическое развитие.

Людмила Сокурянская: Спасибо, Станислав Львович, спасибо Владимир Александрович. Слово просит Илья Федорович Кононов. Пожалуйста, уважаемый профессор.

Илья Кононов: Наша дискуссия посвящена процессам всемирно-исторического значения. От их понимания зависит не только понимание нашего настоящего и наша способность создать проект желаемого для нас коллективного будущего. Однако, как мне кажется, главные дискуссионные задали такое направление обсуждения процессов перехода от социализма к капитализму в наших странах, которое не дает возможности не только объяснить их, но и адекватно описать. Ими противопоставлены две концепции главных факторов перехода: ментальная и связанная с деятельностью элитных групп. В ходе дискуссии использовались концепты, которые лично мне кажутся давно преодоленными. Так, например, от некоторых коллег я услышал о теории транзита. Но вначале о концепциях уважаемых докладчиков.

Идея о том, что направление перехода и его результат были заданы особенностями восточнославянской ментальности, мне представляется положением здравого смысла, которое мало что объясняет. Оно, скорее, может играть некую идеологическую роль. Во-первых, предоставляет карт-бланш правящим классам. Получилось то, что только и могло получиться. Чего еще ждать от этого народа. Во-вторых, у простых людей оно может углубить чувство безысходности. Такой уж мы народ, и на лучшее надеяться не приходится. ИмPLICITно такое чувство стихийно сформировалось в рамках травматического синдрома украинского и русского народов. Оно питает тотальное недоверие к власти и друг к другу у простых людей. Оно же лежит в основе эмигрантских настроений.

Если все же попытаться проанализировать понятие «ментальность» в научном плане, то следует в первую очередь отметить его многозначность. Его можно понимать и как инвариантные характеристики психологии наро-

дов, и как характеристики массового сознания некой общности, и как характеристики этнической культуры. Психология народов – крайне неблагодарный предмет исследований. В лучшем случае усилия ученых здесь заканчиваются публицистическими произведениями. Что касается массового сознания, то оно формируется социальными структурами и ситуациями, а не является этнически предопределенным. Относительно культуры следует сказать, что её необходимо рассматривать в динамике. На мой взгляд, относительно восточнославянских культур можно в исследовательских целях использовать гипотезу Юрия Лотмана об их дихотомическом семиотическом коде. Но в таком случае в этих культурах в разные периоды происходили «фазовые переходы» между полюсами «общественное» - «личное». Поэтому представители этих культур в одни периоды истории проявляли себя как коллективисты, а в другие – как предельные индивидуалисты. Поэтому народы, которые выиграли самую страшную войну, не смогли самоорганизоваться перед лицом социальной катастрофы. Но объяснение этому нужно искать в системе социальных факторов, формирующих конкретную ситуацию.

Рассмотрение перехода через призму динамики элитных групп и отклика на их меняющуюся позицию в массовом сознании является более конкретным. Однако за пределами анализа остаются структурные факторы, которые, по моему мнению, только и способны в своей совокупности приблизить нас к пониманию, того, что с нами произошло.

Начну с того, что социализм погиб в результате социальной катастрофы. Она явилась следствием глубокого кризиса, охватившего СССР с начала 1980-х годов. Кризис этот во многом был обусловлен внешним контекстом. Страны центра мировой капиталистической системы начали переходить к информационному обществу, что радикально меняло ситуацию в соревновании двух мировых систем. Застрявший на индустриальной стадии Советский Союз (при постоянном старении и изнашивании основных фондов) мог оказаться в ситуации, когда все накопленное военное «железо» ничего бы не стоило и не могло бы обеспечить суверенитет страны. Не менее важным было то обстоятельство, что советская экономика не могла удовлетворить стремление людей к повышению качества жизни. Это вызвало девальвацию идеи коммунизма в массовом и элитарном сознании. Массы и элиту объединил идейный комплекс, который бы я назвал «утопией Запада». Его об-

щим знаменателем были гедонистические, а не созидательные устремления.

Отмечу, что в силу административного контроля общественные науки в СССР не могли создать целостной идейной платформы перехода на новую стадию развития. Поэтому поиски выхода из системного кризиса социализма в период перестройки велись бессистемно, что еще больше расшатывало положение в стране.

Катастрофа социализма обусловила слабость государств, возникших на развалинах СССР. Они превратились в инструменты элитных групп по систематическому извлечению ренты из всех пор общества. Желание формирующихся элитных групп быстро обогатиться толкало их к выходу на мировые рынки с наиболее ликвидными товарами. Это привело к колоссальному разграблению общественного богатства. Результатом этого стал сдвиг наших стран на периферию мировой капиталистической системы. Внешние структурные условия мирового капитализма (в понимании Иммануила Валлерстайна) продолжают и сейчас оказывать давление на наши страны. Россия задержалась в силу военных и природных ресурсов на полупериферии, а Украина значительно дальше отодвинута на мировую периферию.

Наш путь последних двух десятилетий не был единственно возможным. И сейчас анализ необходимо направить на выявление альтернативных возможностей, которые могут стать для нас основой выработки стратегий развития наших стран.

Людмила Сокурянская: Спасибо, Илья Федорович. Мне кажется, мы можем подвести черту в нашей дискуссии. Представляется, что она получилась достаточно конструктивной. Высказанные в ходе работы «кру-

глого стола» позиции, названные сходства и различия в содержании трансформационных процессов, происходящих в наших странах, свидетельствуют, на мой взгляд, во-первых, об активном внимании социологов к этим процессам, во-вторых, о серьезных достижениях нашей науки в исследовании посткоммунистических трансформаций (кроме наших главных дискуссионных – уважаемых Владимира Александровича Ядова и Валерия Евгеньевича Хмелько, назову лишь имена двух выдающихся женщин-социологов, чей вклад в разработку трансформационного дискурса в социологии трудно переоценить: в России это Татьяна Ивановна Заславская, в Украине – Наталия Викторовна Панина), в-третьих, о том, что, несмотря на сходство трансформационных процессов на постсоветском и, шире, посткоммунистическом пространстве, в том числе обусловленном нашим социалистическим прошлым, есть немало различий в их содержании, форме, направленности, темпах, последствиях и т.д., в свою очередь, обусловленных, как подчеркивал Владимир Александрович Ядов, особенностями национального менталитета. Каждая из наших стран ищет свой собственный путь развития, конечно, не пренебрегая опытом более развитых стран. То, что мы разные, не хорошо и не плохо, это нормально. Украина – не Россия, как писал наш Президент Л. Д. Кучма. Можно добавить: не Белоруссия, не Казахстан, не Венгрия и т.д. Было бы неинтересно жить в мире, где все и всё одинаковое. Будем надеяться, что глобализация не «подстрижет» всех нас на один манер. Я – за глокализацию, за всестороннее сближение стран при сохранении их национально-культурной идентичности.

Всем огромное спасибо за участие в работе нашего «круглого стола».